

Научная статья

УДК 811.512.5, 811.512.3, 81'373

DOI 10.25205/1818-7935-2023-21-2-43-54

Номинация конской сбруи в якутском языке (в сопоставлении с монгольскими языками)

Федор Николаевич Дьячковский¹
Наталья Иннокентьевна Попова²
Светлана Менкеновна Трофимова³

^{1,2}Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера
ФИЦ ЯНЦ СО РАН
Якутск, РФ

³Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова
Элиста, РФ

¹fedjatschkov0801@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8132-4215>

²nat_popova@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8132-4215>

³trofimovasm@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8132-4215>

Аннотация

Анализируются и описываются лексико-семантические группы (далее ЛСГ) номинации «Конская сбруя» в якутском языке в сопоставлении с халха-монгольским, бурятским и калмыцким языками. Целью исследования ставилось введение в научный оборот в сопоставительном и сравнительно-историческом аспектах номинаций конской сбруи. Для сопоставления привлекался материал из монгольских языков на предмет выявления общих терминов и установления их общетюркской и общемонгольской основ. Материалом исследования послужили данные словарей привлекаемых языков, а также полевые записи, собранные у информантов во время экспедиций в Монголию, Бурятию. Основные методы – описательный, сравнительный, сравнительно-исторический, метод сплошной выборки. Проведенный анализ позволил определить структуру и семантику рассматриваемых лексических единиц, установить присутствие значительного количества сходств и различий в якутском и монгольских языках. Также в якутском, халха-монгольском, бурятском и калмыцком материалах обнаруживаются как общий для анализируемых языков тюрко-монгольский, так и тюркский, а для якутского языка и русский пласт. Проанализированный и собранный материал позволяет говорить об особенностях якутского языка, отличающих его от других тюркских языков, а бурятский – от всех монгольских, и о том, что сближает якутский язык с бурятским. Из тридцати восьми лексических единиц, относящихся к ЛСГ «Конская сбруя» современного якутского языка, девять единиц представляют монгольские параллели, основная масса которых предположительно проникла из старомонгольского языка в дописьменный период, а фонетическое оформление некоторых из них позволяет отнести их к древнейшим якутско-монгольским контактам.

Ключевые слова

якутский язык, халха-монгольский язык, бурятский язык, калмыцкий язык, номинация, лексико-семантическая группа, конская сбруя, тюркские и монгольские языки, языковые контакты.

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00060 «Исследование тюркской и монгольской лексики материальной культуры, связанной с традиционным скотоводством: сравнительно-исторический аспект».

Для цитирования

Дьячковский Ф. Н., Попова Н. И., Трофимова С. М. Номинация конской сбруи в якутском языке (в сопоставлении с монгольскими языками) // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. Т. 21, № 2. С. 43–54. DOI 10.25205/1818-7935-2023-21-2-43-54

© Дьячковский Ф. Н., Попова Н. И., Трофимова С. М., 2023

Horse Harness Naming in Yakut (As Compared to Mongolic Languages)

Fedor N. Diachkovskiy¹, Natalia I. Popova², Svetlana M. Trofimova³

^{1,2}Institute for Humanities Research and Problems of Indigenous Peoples of the North SB RAS
Yakutsk, Russian Federation

³Gorodovikov Kalmyk State University
Elista, Russian Federation

¹fedjatschkov0801@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8132-4215>

²nat_popova@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8132-4215>

³trofimovasm@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8132-4215>

Abstract

The paper analyzes and describes the lexico-semantic groups (further, LSG) “Horse harness” in Yakut in comparison to Khalkha-Mongolian, Buryat, and Kalmyk. The purpose of the study is to introduce horse harness naming in academic use in the comparative and comparative-historical aspects. Material from the Mongolic languages was used to compare and identify common terms and establish their Turkic and Mongolian stems. The material of the study was selected from the corresponding dictionaries; it also includes field records collected from informants during expeditions to Mongolia and Buryatia. The main methods are descriptive, comparative, comparative-historical, and that of continuous sampling. The analysis allowed us to determine the structure and semantics of the considered lexical units, to identify a significant number of similarities and differences in Yakut and Mongolic languages. The Yakut, Khalkha-Mongolian, Buryat and Kalmyk material showed both Turkic-Mongolic and Turkic layers common for the analyzed languages. At the same time, for Yakut the Russian layer was revealed. The analyzed material allows us to speak about the features of the Yakut language that distinguish it from other Turkic languages, and Buryat from all Mongolic languages, as well as about what brings the Yakut language closer to Buryat. Out of the 38 lexical units of the LSG «Horse Harness» in modern Yakut, the comparative analysis has revealed 9 units representing Mongolian parallels, most of which presumably penetrated from the Old Mongolian language in the pre-literate period. Interestingly, the phonetic structure of some of them makes it possible to attribute them to the earliest Yakut-Mongolian contacts.

Keywords

Yakut language, Khalkha-Mongolian language, Buryat language, Kalmyk language, naming, lexical-semantic group, horse harness, Turkic and Mongolic languages, language contacts

Acknowledgements

The study was funded by the Russian Science Foundation, project No. 22-18-00060 “Study of the Turkic and Mongolic vocabulary of material culture associated with traditional cattle breeding: a comparative historical aspect”.

For citation

Diachkovskiy F. N., Popova N. I., Trofimova S. M. Horse Harness Naming in Yakut (As Compared to Mongolic Languages). *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communications*, 2023, vol. 21, no. 2, pp. 43–54. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7935-2023-21-2-43-54

Введение

Начиная с фундаментального труда академика О. Н. Бётлингга «О языке якутов» [1851] и до наших дней довольно детально рассмотрена тюрко-монгольская лексика в якутском языке с использованием сравнительно-исторических, сравнительно-сопоставительных методов.

Появление «Словаря якутского языка» Э. К. Пекарского в начале XX столетия ознаменовало новый этап сравнительно-исторических исследований якутской лексики, предпринятых впервые О. Н. Бётлингом. По подсчётам Г. В. Попова, Э. К. Пекарский дал сравнительный материал к 2612 корневым и неразложимым основам. Известно, что словарь Э. К. Пекарского содержит более 25 тысяч самостоятельных лексических единиц, из них около 6200 – корневые и неразложимые основы [Попов, 1986. С. 7].

Несомненно, значительный языковой материал, необходимый для дальнейших сравнительно-исторических исследований, представлен в Большом толковом словаре якутского язы-

ка в 15-ти томах (2004–2018), одним из важных достоинств которого является этимологическая справка, сопровождающая словарные единицы. Как отмечают составители словаря, «в основном указывается тюркское, тюрко-монгольское или эвенкийское происхождение слова» [БТСЯЯ, 2004. С. 71].

Термины животноводства нашли отражение в исследовании Н. К. Антонова «Материалы по исторической лексике якутского языка (именные основы)», где впервые применено исследование лексики якутского языка по тематическим группам в сравнительно-историческом аспекте. Рассмотрены такие группы, как природа, скотоводство, оленеводство, рыболовство, термины по жилищам, по государственному устройству, по языческим верованиям. Автором дана семантическая характеристика отдельных пластов монгольских заимствований по коневодству в якутском языке [Антонов, 1971]. Но по интересующей нас тематической группе этимологическая информация, к сожалению, не была обнаружена.

В монографии Г. В. Попова «Слова «неизвестного происхождения» якутского языка (сравнительно-историческое исследование)» установлен круг корневых и неразложимых основ в количестве 6212 единиц и на основе учета результатов этимологического, сравнительно-исторического анализа из 1300 основ, ранее определенных как слова «неизвестного происхождения», около 690 лексических единиц определены как слова тюркского, монгольского и тунгусо-маньчжурского происхождения [Попов, 1986. С. 90].

В диссертационной работе А. Е. Шамаевой «Монгольские параллели диалектной лексики якутского языка» выявлен состав диалектных слов, имеющих монгольские параллели, и предпринята попытка описания их фонетических, лексико-семантических и функциональных особенностей в сопоставлении с эквивалентами в письменномонгольском и современных монгольских языках. В разделе «Скотоводство» проанализирована 31 лексическая единица, отражающая разнообразные половозрастные названия скота, слова, называющие приемы содержания и выпаса скота, хозяйственное использование скота [Шамаева, 2012. С. 5].

Анализ названий мастей лошади на якутском языке в сравнении с монгольскими языками проведен в статье «Якутско-монгольские лексические параллели, обозначающие наименования мастей лошади» [Малышева, Божедонова, 2018. С. 6].

В результате научных трудов ведущих исследователей по компаративистике выявлено большое сходство в названиях скотоводческой лексики в монгольских и тюркских языках. Этимологические данные пратюркской лексики зоонимов обобщены в разделах «Животноводство», «Животный мир», «Птицы», «Пищевые продукты животноводства» фундаментальной «Сравнительно-исторической грамматики тюркских языков. Лексика» [СИГТЯ, 2001], а также в «Этимологическом словаре тюркских языков» А. В. Дыбо [2013], отражающие важнейшие стороны жизни, в том числе хозяйственной деятельности носителей тюркских языков и диалектов. Выявлены заимствования в пратюркский из других языков и уточнена пратюркская лексика, восходящая к праалтайской, а также собственно пратюркские новообразования и их основные типы [СИГТЯ, 1997. С. 424–447].

В книге «Күн Дьөһөгөй оҕото. Священная лошадь саха» раскрывается образ коня в традиционной культуре народа саха, представлены половозрастные названия лошадей, их масти и породы, разводимых в Якутии, в обобщенном виде рассмотрены адаптационные свойства якутских пород лошадей в условиях Крайнего Севера, способы их разведения и содержания, ярко дано описание лошади как символа истории и культуры народа саха, при этом упоминается конь в традиционных верованиях якутов, а также включены сведения о конском убранстве и о конном спорте [Күн Дьөһөгөй оҕото, 2015].

Творческий коллектив под руководством проф. С. М. Трофимовой в рамках научных проектов «Сложение пласта материальной лексики в тюркских и монгольских языках» (на материале терминов одежды, обуви и украшений) (2018–2019), «Монгольские и тюркские языки: от алтайского единства до сегодняшнего времени (генетическое родство и ареальные явления)» (на материале гастрономической лексики) (2019–2020), «Монгольские и тюркские

языки: от алтайского единства до сегодняшнего времени (генетическое родство и ареальные явления)» (на материале скотоводческой лексики)» (2021–2022) при финансовой поддержке ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова», рассматривая ЛСГ «Одежда», «Украшение», «Пища (молочные продукты)» в современных тюркских языках Сибири и их диалектах в сравнительно-историческом, сравнительно-сопоставительном аспектах, установил, что номинативные единицы, входящие в вышеперечисленные ЛСГ, не одинаковы по своему происхождению. Наряду с тюркскими основами в них наличествует значительное количество монгольских и тунгусо-маньчжурских элементов. Установлено также, что влияние конкретных монгольских языков на тюркские языки Сибири значительно. Разное направление заимствований, чаще однокоренных слов, обусловлено разновременными контактами тюркоязычных и монголоязычных этнических групп, особенно на территории Южной Сибири. Что касается монголизмов якутского языка, то их происхождение также объясняется тесными контактами носителей якутского языка как на территории Прибайкалья, так и на современной территории их проживания, куда предки якутов, как тюркоязычные, так и монголоязычные прибывали, предположительно, несколькими волнами в разное время [Дьячковский, Попова, и др., 2021. С. 18].

Тюркскому влиянию на сложение комплекса скотоводческой лексики монгольских языков посвящены работы В. И. Рассадина, в которых рассмотрен целый ряд монгольской лексики, отражающей как разнообразные половозрастные названия скота и его масти, так и слова, называющие формы и приемы содержания и выпаса скота, характеристику пастбищ, хозяйственное использование скота и т. п. [Рассадин, 2009; 2011]. В монографии В. И. Рассадина «Монголо-бурятские заимствования в сибирских тюркских языках» наибольшее место уделено разработке монголизмов в якутском языке. Здесь задействовано около тысячи монголизмов, которые анализируются в лексико-семантическом аспекте [Рассадин, 2008].

Для предпринятого в рамках данной статьи исследования интерес представляет лексика конской сбруи якутского языка в сопоставлении с данными монгольских языков с целью выявления монголизмов в якутском языке с определением конкретного монгольского языка-источника.

Материалы и методы исследования

Вопрос о монголоязычных по происхождению словах в якутском языке далеко не нов и имеет уже свою историю. Опираясь на нее, мы предприняли попытку выделить в современном якутском языке лексические единицы, соотносимые с монгольскими языками в рамках ЛСГ «Конская сбруя». Для установления монгольских параллелей в рассматриваемой ЛСГ якутского языка мы воспользовались методикой, предложенной В. И. Рассадиным [Рассадин, 2008. С. 7–9] при выявлении монголизмов в якутском языке. Большую роль в уточнении и определении семантики монголизмов сыграли изданные словари: по якутскому языку – 15-томный «Большой толковый словарь якутского языка» [2004–2018], по бурятскому языку – «Русско-бурятский словарь», «Бурятско-русский словарь» под редакцией Шагдарова Л. Д., Черемисова К. М., 2008 (www.monumentaaltaica.ru), по калмыцкому языку – «Калмыцко-русский словарь» [1977], по монгольскому языку – «Большой академический монгольско-русский словарь» [Т. I–III, 2001, Т. IV, 2002], «Монгол орос толь» под редакцией А. Лувсандэндэва [1957], по другим языкам – «Древнетюркский словарь» [1969], «Этимологический словарь русского языка» Фасмера М. [www.lexicography.online. 2021], «Этимологический словарь тюркских языков» [1974], «Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика» [2001], а также монография Бальжинимаевой Б. Д. «Традиционная ремесленная лексика в монгольских языках: сравнительно-исторический аспект» [2018].

Результаты

На материале якутского языка ЛСГ «Конская сбруя» на уровне структуры и семантики ранее анализу не подвергалась, соответственно, изучение в сравнительно-сопоставительном аспекте предпринимается впервые. В данную группу входят лексические единицы, относящиеся к особым приспособлениям, предназначенным для седлания, упряжи в повозку и управления лошадьми во время езды. Основные функции упряжи – обеспечение комфортных условий для всадника, едущего верхом, и управление лошастью для движения в нужном направлении.

Следовательно, лошадь занимает важное место в хозяйственной и культурной жизни якутов и монголов. Все ее характеристики находят отражение в лексическом составе сопоставляемых языков. Поэтому не вызывает никакого сомнения важность выявления монгольских лексических элементов в якутском языке. В результате осуществленного сравнительно-сопоставительного анализа были получены следующие результаты:

1. Якутско-монгольские лексические параллели (полное совпадение в плане выражения и в плане содержания якутских слов в одном из монгольских языков).

В описании слов, относящихся к конской сбруе, включается указание на ее назначение на якутском языке для точного определения детали в сопоставляемых языках. К примеру, якут. *адаба – көлүллэр, ынгырданар ат ырааппатын диэн мэччитэ ытарга атабар кэтэрдиллэр модьу бобуу мас* ‘деревянная колодка, надеваемая на ноги лошади для ограничения движения, колодка, деревянные путы, кандалы; тяжесть, бремя’. Ср. бур. *адага* ‘деревянные путы; острая палка’ [Рассадин, 2008. С. 228]; х.-монг. *тушаа* id. [БАМРС, 2001 III. С. 263]; калм. *туша* «путы (на передние ноги)» [КРС, 1977. С. 521]. В лексикографических примерах видно, что полное совпадение обнаруживается только в бурятском языке, а в халха-монгольском, калмыцком языках в плане выражения отличаются. Далее в примерах будут представлены однословные формы конкретных предметных имен, но, тем не менее, здесь степень номинаций в плане выражения в монгольских языках, т. е. в исходных значениях, различна. Наиболее простым случаем можно считать прямое соответствие между названием предмета и его исходным (основным) значением. Следует указать, что по словообразовательным структурам весьма продуктивен аффиксальный способ в сопоставляемых языках, и подобным же способом возникло много новых форм, заимствованных из тюркских и монгольских языков в якутской скотоводческой лексике. Якут. *хонсуоччу – ынгыыр сирэйигэр тэһиини, үүнү иилэр дьобус тимири көхө* ‘крючок на луке седла для повода’ < от *хонсой* ‘быть большим, полым и горбатым; иметь чрезмерно большой и горбатый нос’, ср. бур. *хонишоор* ‘выступ, нос; кончик, конец’ [Попов, 1986. С. 133].

В названиях предметов конской сбруи находят отражение материалы изготовления ее из животного сырья (кожи, шерсти), дерева, железа: якут. *дэлбэргэ* ‘веревка из белой конской гривы, употребляемая для перевязывания чаш и ковшей во время ритуала, жертвоприношения’, ср. бур. *дэлбэргэ тайлга* ‘осенний тайлган (жертвоприношения небожителям и духам – владыкам гор и рек у бурят эрхидеевского и других родов племени булагатов) с присутствием женщин’ (будд., шаманск.) [БРС, I, 2010. С. 324; Рассадина, 2008];

якут. *бүргэ – ынгыыр сирэйин уонна кэлин өттүн маһа* ‘седельная лука – передняя и задняя деревянные луки седла’, ср. монг. *бүүргэ* [БТСЯЯ, 2005. С. 639]. См. бур. *бүүргэ* [БРС I. С. 168]; калм. *бүүргэ* [КРС, 1977. С. 132];

якут. *симэх* ‘украшение, убор, наряд’ (*ат симэбэ* ‘конское убранство’) < монг., ср. стп.-монг. *ситег*, халх. *чимэг*, бур. *шэмэг*, калм. *чимг* [Рассадин, 2008. С. 230], калм. *көмрг* ‘украшение лошади’ [ПМА, 2022];

якут. *сыарба* ‘сани’, ср. стп.-монг. *сйу*, х.-монг. *чарга*, бур. *шарга*, калм. *цан* [Бальжинмаева, 2018. С. 112]; бур. *шарга* ‘сани’; *зайдан шарга* (*набтар томо шарга, тэрээгээр ашаа шэрэдэг*) ‘простые сани; дровни, розвальни’ [БРС, II, 2010. С. 609];

якут. *сэргэ* ‘коновязь’ < бур. *сэргэ* id., ср. стп.-монг. *žerge*, халх. *дээрэгэ*, бур. *зэргэ*, калм. *зерг* ‘ряд, последовательность, степень’ [Рассадин, 2008. С. 230], см. калм. *шоңх* ‘коновязь’ [ПМА, 2022];

Доски седла продолговатой полуовальной формы в монгольских языках называются: ср. стп.-монг. *emegei-üingabtasu*, х.-монг. *эмээлийнхавтас*, бур. *хабтаһан*, калм. *эмэлинхавцс* [Бальжинимаева, 2008. С. 104]. В якутском языке существует слово *хаптаһын* со значением ‘доска’. Б. Д. Бальжинимаева справедливо отметила, что термины *хавтас*, *хабтаһан* образованы аффиксальным способом от глагольной основы *хавтай-*, *хабтай-* ‘быть плоским, расплющиваться’ как результат действия, семантика которых сохранилась и в якутском языке.

2. Якутские лексические параллели в тюркских языках.

В тюркских языках Южной Сибири группа якутских слов, связанная с конской сбруей, находит соответствующие параллели, но это не случайное явление, так как ближайшими историческими предками южных алтайцев были кыпчакские племена, жившие здесь в основном до XI в. Курыканские поселения представляют собой характерную картину местообитания кузнецов, скотоводов и земледельцев: якут. *көнтөс* – *сиэлинэн хатыллыбыт хас да утабы холбуу тигэн онгоһуллубут сылгыны сиэтэргэ, баайарга аналлаах бас быатыгар холбоһор хаптабай* быа ‘повод – ремень узды. Лошадиный повод из конского волоса (из гривы)’, ср. тув. *хөнэ*, алт. *көнө* ‘привязь (для ягнят, козлят)’ [БТСЯЯ, 2007. С. 285]. Ср. в монгольских языках: стп.-монг. *jiluua*, х.-монг. *жолоо*, бур. *жолоо*, калм. *жоло*, орд. *джилд* [Бальжинимаева, 2008. С. 136], см. калм. *гичгэвч* «тонкий надзатылочный ремень (часть узды)» [ПМА, 2022];

якут. *үүн (абырыа)* – *аты салайарга айаһар кэтэрдиллэр уодьуганнаах бас кэтит быата* ‘узда (узdechка, узdeчное оголовье, оголовье) – набор сыромятных ремней, надеваемых на голову лошади для управления лошаdью во время езды, с металлическими удилами, вставляемыми в рот’. Ср. др.-тюрк. *йүгүн*, алт. *үйген*, тув. *чүген* [БТСЯЯ, 2015. С. 581]; х.-монг. *хазаар* ‘узда, узdechка’ [БАМРС, 2001, IV. С. 16]; бур. *хазаар* ‘узда, узdechка’ [БРС, II, 2010. С. 379]; калм. *хазар* ‘узда, узdechка’ [КРС. С. 568];

якут. *холун* – *ыныыр, ат өрөбөтүн курдуу баран, дыриминэн тардыллан бааллар бирээскэлээх үһүн быа* ‘подпруга’, ср. др.-тюрк. *холан* ‘поясной ремень, подпруга’, тув. *колун* ‘брюшная седельная подпруга’ [БТСЯЯ, 2016. С. 550]; *хобус холун* – *айаас акка туттуллар төрдүс холун* ‘вспомогательная четвертая подпруга, применяемая при приучении к седлу необъезженной лошади’; х.-монг. *нүх* ‘подпруга’ [ПМА, 2018]; бур. *жэрэм* ‘подпруга’ [БРС, I, 2010. С. 366]; калм. *эмэлин олң, сиделкин татур* ‘подпруга’ [КРС, 1977. С. 480];

якут. *төргүү* – *ыныыр кэннигэр сээкэйи баайарга аналлаах икки синныгэс быа* ‘треник (торока) – тонкий кожаный ремешок, прикрепленный к задней луке или боковым сторонам седла для привязывания чего-нибудь’, ср. алт. *терки*, хак. *тирки*, тув. *дерги* ‘торока (у седла)’ [БТСЯЯ, 2013. С. 554]; х.-монг. *ганзага* ‘торока (у седла)’ [БАМРС, 2001, I. С. 376]; бур. *ганзага* ‘торока’ [БРС, I, 2010. С. 194]; калм. *ханзһ* ‘торока’ [ПМА, 2022];

якут. *балтарык* – *сыарбаа тизэлибит оту баттатан кэлгийэр (өтүүлүүр) мас* ‘бастрык, бастрык – гнет для сена’, ср. тат. *bastyryk* ‘прижим, гнет’ [ЭСРЯ МФ, 2021];

якут. *бас быата, сулар* – *көлөнү быалыырга баһыгар кэтэрдиллэр тэһииннээх, үксүгэр кэтит, хаптабай быа* ‘недоуздок – узdechка без удил с одним поводом’, ср. тюрк. *баш*, *бас* ‘голова’, тюрк. *баһ*, *бау* ‘свитая из лошадиной гривы веревка или кожаный ремень, шнур’ [БТСЯЯ, 2005. С. 661]; х.-монг. *ногт* ‘недоуздок’ [БАМРС, 2001, II. С. 409]; бур. *ногто* ‘недоуздок, узда без железных удил’ [БРС, I, 2010. С. 609]; калм. *ногт* ‘недоуздок’ [КРС, 1977. С. 380];

якут. *дэпсэ, кычым* – *ыныыр үрдүгэр ууруллар сукуна, тири сабыы, бүрүө. Үксүгэр сылгы тириититтэн ойуулаан-бичиктээн, киэргэтэн онгороллор* ‘подпруга-покрывало на седло из сукна или меха’. Ср. хак. *кичим* ‘кожа, подкладываемая на кошму под седло’ [БТСЯЯ, 2008. С. 412]; х.-монг. *далайн эрэг* – *даавуу эсвэл үслэг даавуугаар даавуугаар ордог* id. [ПМА, 2018]; бур. *жэрэм* ‘подпруга’ [БРС, I 2010. С. 366], калм. *эмэлин олң, сиделкин татур* ‘подпруга’ [ПМА, 2022];

якут. *ингэһэ* – *киһи аты миинэригэр үктэнэн тахсарыгар аналлаах дуһалыы быһыылаах мастан, тимиртэн оноһуллубут үктэл* ‘стремля – дужка с ушком, подвешиваемая на ремне к седлу для упора ног всадника. Стремена подвешивались парами к седлу’, тюрк. *үзэнгү, үзэнэ* [БТСЯЯ, 2006. С. 722]; ср. стп.-монг. *dörügen*, х.-монг. *дөрөө*, бур. *дүрөө*, калм. *дөрэ*, орд. *дөрөө* [Бальжинимаева, 2008. С. 34];

якут. *(ат) моонньох, бойбуур* – *ат моонньугар иилиллэр эһэ түүтүттэн, көмүһүнэн кизгэтиллибит харысхал* ‘подгузок – оберег, серебряное украшение с кисточкой из медвежьего меха, надеваемое на шею лошади’, ср. казах. *мойнак*, кирг. *мойнох* ‘шкура шеи, шейная кожа верблюда’ [БТСЯЯ, 2009. С. 291];

якут. *өргөн* – *хатан, өрөн оноһуллубут модьу уһун быа* ‘длинный кожаный ремень, длинная, сплетенная из кожи веревка’, ср. тюрк. *өркэн*, др.-тюрк. *өргэн* [БТСЯЯ, 2010. С. 448]; бур. *бүгэлдэргэ* ‘подвеса (ремень от седла, охватывающий грудь лошади) [БРС, I, 2010. С. 162];

якут. *тирбэбэ* ‘ремень, ремешок (кожаные)’, ср. башк. *дилбэгэ* ‘возжи’ [Попов, 1986. С. 125]; х.-монг. сур(ан) ‘ремень, ремешок; сыромять, выделанная кожа’ [БАМРС, 2001, III. С. 131]; бур. *хур* ‘ремешок, ремень’; *дүрөөгэй хур* [БРС, II, 2010. С. 567]; калм. *сур* ‘ремешок, ремень’ [КРС, 1977. С. 462];

якут. *бото, буутай* – *аты ыңгырдыырга арбаһыгар уураар халын, сымнаҕас тирии тэллэх (оту, сизли үүйэн (сирийэн) хаста да хос тутан ыңгыр ат сиһин аалбатындиэн харыстаан тэгишиллэр)* ‘потник – мягкий коврик из толстой, хорошо размятой кожи, подкладываемый под седло. Защищает (предохраняет) спину лошади от натирания’ [БТСЯЯ, 2005. С. 421; 607]; х.-монг. *тохом* ‘потник, войлок (под седло)’ [БАМРС, 2001, III. С. 235]; бур. *тохом, таар тохом* ‘потник, войлок (под седло)’ [БРС, II, 2010. С. 250]; калм. *тохм* ‘потник’ [КРС. С. 510], см. *делтр* ‘подпотник’ [ПМА, 2022];

якут. *тэһиин* – *ыңгыр акка үүнүн икки өттүгэр иилиллэр сизлинэн өрөн оноһуллубут салайар быа* ‘повод, поводья’. Ср. др.-тюрк., тюрк. *тиэгин* ‘узда, повод у узды’ [БТСЯЯ, 2014. С. 517]; х.-монг. *найга* ‘поводья’ [ПМА, 2018]; бур. *жолоо* ‘повод (у узды), поводья’ [БРС, I, 2010. С. 356]; калм. *жөла* ‘повод (у лошади)’ [КРС. С. 467];

якут. *уостуган* – *ат айаҕар кэтэрдиллэр, салайарга аналлаах тимир* ‘удила – приспособление из железных стержней, прикрепленных к ремням узды и вкладываемых в рот лошади при взнуздывании’, ср. др.-тюрк. *аҕаз, аҕыз*, тюрк. *агыз, авыз, авуз* ‘рот’ [БТСЯЯ, 2015. С. 225]; ср. стп.-монг. *gaḡaḡar-unataḡai*, х.-монг. *хазаарынамгай* ‘удила’, бур. *хазаарайаман* ‘удила’, калм. *хазарин амһа*, орд. *амагӓ* ‘удила’ [Бальжинимаева, 2008. С. 35];

якут. *чаппараах* ‘чепрак – коврик-покрывало, закрывающий круп коня’, ср. осм. *чапрак* ‘покрышка верховой лошади и седла, шаприк’ [БТСЯЯ, 2017. С. 112]. калм. *жөвун* ‘чепрак’ [ПМА 2022].

3. Русские лексические заимствования в якутском языке.

Якуты, жившие в непосредственном соседстве с русскими, особенно переходившие к земледелию, а также притрактовое якутское население, должно было очень рано познакомиться с русской конской упряжью. С середины XVII в. из русского языка было воспринято большое количество скотоводческих терминов, такие как:

якут. *боккуоп* – *ат тилэбэрсайыллар халын тимир уллунах* ‘подкова’, ср. рус. *подкова*;

якут. *буутула, буута* ‘путы – веревка, которой связывают передние ноги лошади перед пуском ее на пастьбу’, ср. рус. *путы* (перевязь), укр. *путьо*, бол. *путьо*, др.-рус. *путьо*, ст.-слав. *пѣдѣ* (Остром.), сербохорв. *путьо*, словен. *poťo* [ЭСРЯ МФ 2021]. См. х.-монг. *тушаа* ‘путы (на передние ноги лошади)’ [БАМРС 2001 III. С. 263]; бур. *дээһэн тушаа* ‘путы из конского волоса; туша зангидаха делать путы (из ремня)’ [БРС, II 2010. С. 261]; калм. *дееснтуша* ‘путы из плетеной веревки’ [КРС, 1977. С. 521], см. *өрэлдэ* ‘односторонние путы (надеваемые на одну переднюю и одну заднюю ногу лошади)’ или *өрэлдх* ‘стянуть односторонними путами ноги лошади», *туша* ‘путы на передние ноги’ [ПМА 2022];

якут. *доруобунна, доруобуна* – *акка модьу онгоһуулаах таһаҕас сыарҕата* ‘дровни – такие сани предназначались для воза тяжелого груза’, ср. рус. *дровни* (крестьянские сани, в которых не было отводков, спинки, кузова); бур. *шарга* «1) сани; *зайдан шарга (набтар томо шарга, тэрээгээр ашаа шэрэдэг)* простые сани; дровни, розвальни» [БРС, II 2010. С. 609];

якут. *дуҕа* – *олгуобуйаны хомууту кытта холбуур үксүгэр хатын мастан онгоһулар иэбэччи тэрил* ‘дуга’, ср. рус. *дуга* (элемент сбруи); см. х.-монг. *морины бэхэлгээний нуман* ‘дуга в упряжи коня’ [ПМА 2018]; бур. *дугаан(г)* ‘дуга (в упряжи)’ [БРС, I 2010. С. 299]; калм. *дуһу* «1) дуга (в упряжи)» [КРС, 1977. С. 213];

якут. *олгуобуйа* – *икки төгүрүк сиэрдийэнэн онгоһуллубут сыарҕаны холбуурга аналлаах мас* ‘оглобли – две круглые жерди, сделанные из легкого и прочного дерева, прикрепленные одними концами к повозке’, ср. рус. *оглобли*; бур. *шэргүүбиэ* ‘оглобли’ [БРС, II 2010. С. 641]; калм. *арш* ‘дышло, оглобли’ [КРС, 1977. С. 52];

якут. *сөдүөккэ, сэдиэлкэ* – *аты көлүйэргэ арҕаһыгар сис тардар быаҕа уйук буолар сыттык курдук кыра ыңгыр* ‘седёлка – крытая кожей войлочная подушка или деревянная конструкция, которая крепилась на спине лошади под чересседельником’, ср. рус. *седёлка*; х.-монг. *тэрэг хөллөх эмээл* ‘седёлка’ [БАМРС 2001 IV. С. 413]; бур. *шожоолхо* [ПМА 2022]; калм. *седёлк* ‘седёлка’ [КРС, 1977. С. 510], см. *малыш* ‘седёлка; крытая кожей подушка’ [ПМА 2022];

якут. *хомуут* – *ат көлүйэргэ аналлаах моойугар кэтэрдиллэр тэрил* ‘хомут в любой амуниции – это элемент, передающий тягловое усилие лошади или другой скотине на сани, плуг, повозку и т.п.’, ср. рус. *хомут* (упряжь), укр. *хомут*, др.-рус. *хомуть*, сербск.-цслав. *хомжтъ*, болг. *хомот* [ЭСРЯ МФ 2021]; х.-монг. *хомут* ‘хомут’ [ПМА 2018]; бур. *хомууд* ‘хомут’ [БРС, II 2010: С. 440], см. *хөөмэгшэ* id. [ПМА 2022]; калм. *хомут* ‘хомут’ [КРС, 1977. С. 761];

якут. *ыңгыр* – *аты миинэргэ, ындыы ыңгырдарга анаан онгоһуллубут сииһигэр ууруллар олбох* ‘седло’, ср. стп.-монг. *etegel*, х.-монг. *эмээл*, бур. *эмээл*, калм. *эмэл*, орд. *емёл* < тунг.-маньчж. *эмэгэн* (эвенк.) [Бальжинимаева, 2008, С. 136]. В. И. Рассадин отметил, что происхождение некоторых наименований конской сбруи для верховой езды в монгольских языках связано с тунгусо-маньчжурскими языками [Там же, С. 136].

В образовании терминов скотоводства, безусловно, большую роль играют различные способы словообразования. Анализированный состав лексики конской сбруи показал, что более продуктивными способами словообразования в сопоставляемых языках являются аффиксальный (напр., *хонсуоччу* ‘крючок на луке седла для повода’ < от *хонсой* ‘быть большим, полным и горбатым; иметь чрезмерно большой и горбатый нос’ + аффикс -ччу) и синтаксический (аналитические словосочетания, состоящие из двух и более слов: *ат сыалдьата* ‘шлея’, *тукку сыарҕа* ‘легкие сани небольшого размера’, *тимиэр эбэтэр кыл тиэрбэс, ии* ‘кольцо – металлическое или ременное (волосяное), которое пришивалось к одному из ремней или сплеталось этими же ремнями, к концу крепился повод недоуздка’ способы словообразования.

Выводы

В результате сопоставительного анализа можно сделать краткий вывод: из 38 лексических единиц, относящихся к ЛСГ «Конская сбруя» современного якутского языка, 8 единиц представляют монгольские параллели, основная масса которых предположительно проникла из старомонгольского языка в дописьменный период. Интересно, что фонетическое оформление некоторых из них позволяет отнести их к древнейшим якутско-бурятским контактам. По мнению польского лингвиста Ст. Калужинского, время проникновения монголизмов в якутский язык можно установить примерно, как XII–XIII и XV–XVI вв. [Kaluzynski, 1961. С. 119]. Вместе с тем, по мнению авторов академической «Истории Якутии» [2020], на исторической родине, каковой является Центральная Азия, «Предки якутов и бурят находились в тесном этнокультурном взаимодействии, начиная с хунно-сяньбийского времени, оставившего свой след не только в их историко-культурном, но и в генетическом наследстве» [История Якутии,

I, 2020. С. 197]. Кроме того, в связи с новыми данными радиоуглеродного анализа значительно понижаются хронологические рамки древнеякутской кулун-атахской культуры, свидетельствуя о том, что «в X–XI вв. предки якутов уже освоили значительные территории Приленья [Там же. С. 223]. А если взять за основу мнение Н. К. Антонова и В. И. Рассадина о более раннем освоении монголоязычными племенами местной природы [Рассадин, 2008. С. 77], соответственно время проникновения монголизмов в якутский язык, уже на современной территории проживания якутов, также удревняется.

Семь лексических единиц в якутском языке – это заимствования из русского языка (*путь, подкова, оглобли, хомут, дуга, седелка, оглобли, дровни*), явления более позднего времени, очевидно, возникшие после прихода русских в XVII в. В целом преобладающее большинство терминов конской сбруи якутского и монгольских языков составляют тюркизмы, имеющие параллели как в древнетюркском, так и в современных тюркских языках, свидетельствуя о принадлежности якутов и монголов к культуре древних кочевников – конных скотоводов.

Список литературы

- Антонов Н. К. Материалы по исторической лексике якутского языка. Якутск, 1971. 173 с.
- Бальжинимаева Б. Д. Традиционная ремесленная лексика в монгольских языках: сравнительно-исторический аспект. Элиста: Изд-во ЗАОр «НПП “Джангар”», 2018. 198 с.
- Дьячковский Ф. Н., Попова Н. И., Трофимова С. М. Способы словообразования лексики традиционной одежды народа саха // *Modern Humanities Success/Успехи гуманитарных наук*. Белгород, 2020. № 1. С. 216–222.
- Дьячковский Ф. Н., Попова Н. И., Тазранова А. Р., Трофимова С. М., Широбокова Н. Н. Гастрономическая лексика (молочные продукты) в тюркских языках Сибири // *Томский журнал ЛИНГ и АНТР. Tomsk Journal LING & ANTHRO*. Томск, 2021. 1 (31). С. 9–20.
- Күн Дьөһөгөй оҕото. Священная лошадь саха. Дьокуускай: Бичик, 2011. 184 с.
- История Якутии: в трех томах/Правительство Респ. Саха (Якутия), Акад. наук Респ. Саха (Якутия), Ин-т гуманитар. исслед. и пробл. малочисл. народов Севера СО РАН; под общ. ред. д.и.н., проф. А.Н. Алексеева. Новосибирск: Наука, 2020. Т. 1/Под общ. ред. А.Н. Алексеева; отв. ред. Р. И. Бравина, Е. Н. Романова. Новосибирск: Наука, 2020. 536 с.
- Малышева Н. В., Божедонова А. Е., Старостина Я. Е. Якутско-монгольские лексические параллели, обозначающие наименования мастей лошади // *Oriental Studies*. 2018. Том 11, № 2.
- Попов Г. В. Этимологический словарь якутского языка. Новосибирск: Наука, 2003. Ч. I: А. Дь. 180 с.
- Рассадин В. И. О тюркском влиянии на сложение комплекса скотоводческой лексики монгольских языков // *Ученые записки ЗабГГПУ. Филология, история, востоковедение*, 2009. С. 157–164.
- Рассадин В. И. Скотоводческая лексика калмыцкого языка в сравнении с турецко-месхетинской // *Вестник Бурятского государственного университета*. Улан-Удэ, 2011, № 8. С. 83–90.
- Рассадин В. И. Очерки по истории сложения тюрко-монгольской языковой общности. Часть II. Монгольское влияние на лексику тюркских языков. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2008. 243 с.
- Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика/Под. ред. Э. Р. Тенишева. Л., 1997. 798 с.
- Скрыбыкин Н. В. Якутско-русский словарь сельскохозяйственных терминов. Часть I. Термины животноводства. Рукописный фонд ИГиИПМНС СО РАН. Ф. 5, Опись 12, ед. хр. 136.
- Шамаева А. Е. Монгольские параллели диалектной лексики якутского языка /Автореф. дисс. ...канд.филол.н. Якутск, 2012. 23 с.

Kaluzynski St. Mongolische Elementen der jakutischen Sprache, Warsaw: Panstwowy wydawnictwo Naukowe, 1961. 170 s.

Словари

Древнетюркский словарь/АН СССР. Институт языкознания. Л.: Наука, 1969. 676 с.

Большой академический монгольско-русский словарь. В 4 т. Т. I: А-Г. М., 2001. 520 с.

Большой академический монгольско-русский словарь. В 4 т. Т. II: Д-О. М., 2001. 536 с.

Большой академический монгольско-русский словарь. В 4 т. Т. III: О-Ф. М., 2001. 440 с.

Большой академический монгольско-русский словарь. В 4 т. М., 2002. 532 с. Т. IV: Х-Я.

Бурятско-русский словарь. /Ред. Шагдаров Л. Д., Черемисов К. М., 2010, Т. I (А-Н), Т. II (О-Я) [электронный ресурс] <http://www.monumentaaltaica.ru>

Большой толковый словарь якутского языка. Т. II–XIV. Новосибирск: Наука, 2005. 909 с.; 2006. 841 с.; 2008. 613 с.; 2010. 517 с.; 2011. 572 с.; 2014. 525 с.; 2015. 596 с.; 2016. 638 с.; 2017. 590 с.

Монгол орос толь/Под ред. А. Лувсандэндэва. М., 1957. 714 с.

Калмычко-русский словарь. М.: Русский язык, 1977.

Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика. М.: Наука, 2001. 822 с.

Этимологический словарь русского языка Фасмера. М. [электронный ресурс] <http://www.lexicography.online>. 2021.

Этимологический словарь тюркских языков. М. 1974.

References

Antonov, N. K. Material on historic Yakut vocabulary. Yakutsk, 1971. 173 p. (in Russ.)

Balzhinimaeva, B. D. Traditional craft vocabulary in Mongolic languages: a comparative historical aspect. Elista: Publishing House Dzhangar, 2018. 198 p. (in Russ.)

Dyachkovskiy, F. N., Popova, N. I., Trofimova, S. M. Word formation of the vocabulary of traditional clothing of the Sakha people. *Advances in the Humanities*, 2020, no. 1, pp. 216–222. (in Russ.)

Dyachkovskiy, F. N., Popova, N. I., Tazranova, A. R., Trofimova, S. M., Shirobokova, N. N. Gastronomic vocabulary (dairy) in the Turkic languages of Siberia. *Tomsk Journal LING & ANTHRO*, 2021, vol. 1(31), pp. 9–20. (in Russ.)

Sacred Yakut horse. Yakutsk: Bichik, 2011. 184 p. (in Yakut and Russ.)

History of Yakutia: in 3 Vols. Government of Sakha Republic (Yakutia), Institute for Humanities Research and Problems of Indigenous Peoples of the North SB RAS. Eds A. N. Alekseev, R. I. Bravina, E. N. Romanova. Novosibirsk: Science, 2020. 536 p. (in Russ.)

Malysheva, N. V., Bozhedonova, A. E., Starostina, Y. E. Yakut-Mongolian lexical parallels naming horse colors. *Oriental Studies*, 2018, vol. 11, no. 2. (in Russ.)

Popov, G. V. Etymological dictionary of the Yakut language. Novosibirsk: science, 2003. Part I: A – Dj. 180 p. (in Russ.)

Rassadin, V. I. On the Turkic influence on the composition of the cattle breeding vocabulary of the Mongolic languages. *Herald of the Transbaikal State Pedagogical University. Philology, history, oriental studies*, 2009, pp. 157–164. (in Russ.)

Rassadin, V. I. Cattle-breeding vocabulary of the Kalmyk language in comparison with Meskhetian Turkish. *Herald of the Buryat State University*, 2011, no. 8, pp. 83–90. (in Russ.)

Rassadin, V. I. Essays on the development of Turkic-Mongolic linguistic community. Part II. Mongolian influence on the vocabulary of Turkic languages. Elista: Publishing House of the Kalmyk University, 2008. 243 p. (in Russ.)

- Comparative-historical grammar of Turkic languages. Lexicon. Ed. E. P. Tenishev. Leningrad, 1997. 798 p. (in Russ.).
- Skrybykin, N. V.** Yakut-Russian dictionary of agricultural terms. Part I. Terms of animal husbandry. Manuscript Fund, Institute for Humanities Research and Problems of Indigenous Peoples of the North SB RAS. 5, Inventory 12, unit of storage 136. (in Yakut and Russ.)
- Shamaeva, A. E.** Mongolic parallels of Yakut dialect vocabulary. Thesis of the candidate of philological sciences dissertation. Yakutsk, 2012. 23 p. (in Russ.).
- Kaluzynski, St.** Mongolische Elementen der jakutischen Sprache, Warsaw: Panstwowy wydawnictwo Naukowe, 1961. 170 s.

Полевой материал авторов

- ПМА 2018 – Лувсандорж Болд, 1947 г. р. Запись в г. Улан-Батор
- ПМА 2022 – Бальжинимаева Б.Д., 1987 г.р. Запись в г. Улан-Удэ
- ПМА 2022 – Дензинова Л.М., 1953 г.р. Запись в г. Элиста.

Dictionaries

- Old Turkic dictionary. USSR Academy of Sciences. Institute of linguistics. Leningrad: science, 1969. 676 p. (in Russ., Turk.)
- Great academic Mongolian-Russian dictionary. In 4 Vol. Vol. 1: A – G. Moscow, 2001. 520 p. (in Mong., Russ.)
- Great academic Mongolian-Russian dictionary. In 4 Vol. Vol. 2: D – O. Moscow, 2001. 536 p. (in Mong., Russ.)
- Great academic Mongolian-Russian dictionary. In 4 Vol. Vol. 3: Θ – F. Moscow, 2001. 440 p. (in Mong., Russ.)
- Great academic Mongolian-Russian dictionary. In 4 Vol. Vol. 4: Kh – Ya. Moscow, 2002. 532 p. (in Mong., Russ.)
- Buryat-Russian dictionary. Ed. by Shagdarov L.D., Cheremisov K.M. 2010 [electronic resource] [http: www. monumentaaltaica.ru](http://www.monumentaaltaica.ru) (in Buryat, Russ.)
- Great explanatory dictionary of the Yakut language. Vol. 2-14. Novosibirsk: Science, 2005. 909 p., 2006. 841p., 2008. 613 p., 2010. 517 p., 2011. 572 p., 2014. 525 p., 2015. 596 p., 2016. 638 p., 2017. 590 p. (in Yakut, Russ.)
- Mongolian-Russian dictionary. Ed. by A. Luvsandendeva. Moscow, 1957. 714 p. (in Mong., Russ.)
- Kalmyk-Russian dictionary. Moscow: Russian Language, 1977. (in Kalm., Russ.)
- Comparative-historical grammar of Turkic languages. Vocabulary. Moscow: Science, 2001. 822 p. (in Russ.)
- Etymological dictionary of the Russian language by M. Fasmer [electronic resource]. [http: www. lexicograhya.online](http://www.lexicograhya.online). 2021. (in Russ.)
- Etymological dictionary of Turkic languages. Moscow, 1974. (in Russ.)

Field Material

- Luvsandorzh Bold, 1947. Recorded in Ulan-Bator.
- B.D. Balzhinimaeva, 1987. Recorded in Ulan-Ude.
- L.M. Denzinova, 1953. Recorded in Elista.

Список сокращений

алт. – алтайский, бол. – болгарский, будд. – буддийское, бур. – бурятский, др.-тюрк. – древнетюркский, казах. – казахский, калм. – калмыцкий, кирг. – киргизский, монг. – монгольский, орд. – ордосский, осм. – османский, общетюрк. – общетюркский, п.-монг. – письменно-монгольский, пратюрк. – пратюркский, рус. – русский, сербск.-цслав. – сербско-церковнославянский, сербохорв. – сербохорватский, ср. – сравни, стп.-монг. – старописьменный монгольский, тат. – татарский, тув. – тувинский, тюрк. – тюркский, тунг.-маньчж. – тунгусо-маньчжурский, укр. – украинский, хак. – хакасский, х.-монг. – халха-монгольский, чув. – чувашский, шаман. – шаманское, эвенк. – эвенкийский, якут. – якутский.

Информация об авторах

Дьячковский Федор Николаевич, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера ФИЦ ЯНЦ СО РАН

Попова Наталья Иннокентьевна, кандидат филологических наук, директор Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера ФИЦ ЯНЦ СО РАН

Трофимова Светлана Менкеновна, доктор филологических наук, профессор Калмыцкого государственного университета им. Б. Б. Городовикова

Information about the Authors

Fedor N. Diachkovskiy, Candidate of Philology, Institute for Humanities Research and Problems of Indigenous Peoples of the North SB RAS

Natalia I. Popova, Candidate of Philology, Institute for Humanities Research and Problems of Indigenous Peoples of the North SB RAS

Svetlana M. Trofimova, PhD in Philology, Gorodovikov Kalmyk State University

*Статья поступила в редакцию 21.02.2023;
одобрена после рецензирования 08.04.2023; принята к публикации 14.04.2023*

*The article was submitted 21.02.2023;
approved after reviewing 08.04.2023; accepted for publication 14.04.2023*